

Литература

1. Филькина Е.Ю. Судьба поэта (из воспоминаний Игоря Северянина) // Встречи с прошлым / под ред. Н.Б. Волкова. М. : Советская Россия, 1982. 504 с.
2. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. М. : Этерна, 2012. 752 с.
3. Популярная художественная энциклопедия: Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство / гл. ред. В.М. Полевой. М. : Советская энциклопедия, 1986. Кн. 1. 447 с.
4. Головин Е.В. Приближение к Снежной Королеве. М. : Арктогея, 2003. 277 с.
5. Арго А.М. Своими глазами: книга воспоминаний. М. : Советский писатель, 1965. 265 с.
6. Северянин И. Все стихи Игоря Северянина // 45-я параллель: классическая и современная русская поэзия, 1990–2001, 2006–2019. URL: https://45parallel.net/igor_severyanin/stihi/ (дата обращения: 30.03.2020).

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-82

ТЕМА ГРЕХА В ТВОРЧЕСТВЕ ДАНИИЛА ХАРМСА

Корнеев А.В.

Томский государственный университет, аспирант

SIN THEME IN THE WORKS OF DANIEL KHARMS

Korneev A.V.

Tomsk State University, postgraduate student

Статья посвящена осмыслению темы греха в творчестве Даниила Хармса. Мы показываем, как проявляется эта тема на протяжении всего творчества писателя. Грех является одной из важных категорий в творчестве Хармса, в связи с чем в его произведениях появляется ряд повторяющихся мотивов.

Ключевые слова: тема греха, Даниил Хармс, мотив детства, проблема пола, мотив молитвы

The article is devoted to understanding the topic of sin in the work of Daniel Harms. We show how this topic manifests itself throughout the writer's work. Sin is one of the important categories in the work of Harms, shaping the situation of sin, in connection with which a number of repeating motifs appear in his work.

Keywords: theme of sin, Daniel Harms, childhood motive, gender problem, prayer motive

Научный руководитель: Е.Г. Новикова, д-р филол. наук, профессор ТГУ.

В статье рассматривается тема греха в творчестве Даниила Хармса. Актуальность этой темы определяется тем, что она связана со многими

повторяющимися мотивами творчества Хармса, что позволяет рассмотреть ее в рамках структуралистского подхода. Мы проследим развитие этой темы на протяжении всего творчества автора.

Новизна исследования связана с тем, что впервые тема греха становится предметом исследования. Мы будем опираться на общепринятый в хармсоведении взгляд на Хармса как на писателя, на формирование авторской позиции которого значительное влияние оказало христианство. Д.В. Токарев в работе «Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета» показывает роль христианских категорий Бога, греха, спасения, Троицы. Грех соотносится с христианским представлением о грехопадении как потере изначального состояния творения. Это событие, через которое в мир приходит смерть, которое разделяет небо и землю: «Это парадоксальное состояние находит свое соответствие в существовании мира до грехопадения: по Хармсу, райский мир невинности и покоя остается имманентным Богу, хотя одновременно ему уже трансцендентен. Первый человек Адам уже не Бог, но он создан по его подобию и пребывает в лоне своего Творца. Вся поэтика Хармса направлена на то, чтобы возродить это райское состояние «первой реальности» [1. С. 155].

Необходимо сделать пояснение, что религиозные взгляды Хармса менялись на протяжении жизни, и в целом его трудно назвать ортодоксальным христианином. До ареста религия для Хармса была формой протеста против советской власти. Однако после ареста отношение Хармса к религии меняется: становятся важными вопросы веры и неверия; его произведения, в частности, являются средством определения своего отношения к вере и религии.

Переходя к анализу произведений, отметим, что в раннем творчестве Хармса часто появляется мотив детства, акцентируется детская невинность. В стихотворении «Кі́ка и Кóка» (1925) создается образ детской непосредственности, естественности. В первой строфе формируется обыденный пласт, где через «фуфу́» и запреты «не кря́кай» (важно, что не издавай звуков, похожих на «кика» и «кока») ставятся ограничения для языка автора. Это некомфортный, ограничивающий поэта скучный и суетный мир: в нем «воют собаки», «и гонятся листья // туды и сюды». В следующей строфе читаем: «А с не́ба о хря́щи // все чаще и чаще // взвильнет ви ва вувой // и мрется в углы́нь» [2. С. 30]. «Мрется» явно имеет связь со смертью, а «углынь» – с детским наказанием, когда ребенка ставят в угол. Хармс жалуется, что все чаще и

чаще детская непосредственность проявляется («взвильнет»), но подавляется обществом. В следующей строфе вновь Хармс говорит о подавлении, но уже пытается отстоять свой лепечущий язык: «а если чихнется // губáстым соплóном // то Кíка и Кóка // такой же язык» [2. С. 31]. Первые две строки здесь не относятся к эстетике отвратительного, но опять же связаны с изображением детской непосредственности. Схожие элементы наблюдаются в стихотворениях «Полька затылки. Срывы», «Ваньки встаньки», «Половинки», «Говорят, землю изобрели конюхи».

Картина меняется в следующих двух произведениях – «В репей закутанная лошадь» (1926) и «Конец героя» (1926). В стихотворении «В репей закутанная лошадь» впервые вводится тема греха. Персонаж стихотворения, ефрейтор, уличает супругу в измене. Грех поражает ее: «и видит он: его голубка // лежит на мостовой // и зонтик ломаный и юбку» [2. С. 52]. Она лежит, будто мертвая, спит и во сне видит любовника; она, как упавшая птица, грех прижимает ее к земле насильно, вырывает с неба. Сочувствие последствиям чужого греха связаны с собственным грехом лирического героя, который находится в похожем состоянии и настроении. В стихотворении «Конец героя» он оказывается среди «брошенных творений» [2. С. 53], кидает камни в небо. Лирический герой стелет себе кровать, «бросая в небо дерзкий глас» [2. С. 55]. Заканчивается стихотворение смертью и забвением героя. Грех разрушает мир, в котором находится герой. Хотя до этого у Хармса были стихотворения, в которых присутствовал мотив смерти, но именно с этого момента смерть становится одним из ведущих мотивов произведений.

Многие следующие тексты Хармса связаны с поиском путей преодоления состояния греха, разрыва между земным и божественным, с попыткой восстановления целостности до грехопадения. В пьесе «Гвидон» 1931 года Хармс развивает мотив молитвы. Ее герои – Гвидон и Лиза. Отметим возврат к пушкинскому тексту: как и в раннем творчестве Хармса, здесь обнаруживаются реминисценции, связанные с ощущением детской непосредственности. Гвидон и Лиза любят друг друга. Лиза рассказывает Гвидону, что боится леса, а также боится провиниться перед священником. Героиня наивна, невинна и богобоязненна. Позже Лизу искушает лесная ведьма и лесное чучело. Лиза, как невинный ребенок, не различает добра и зла, спрашивая лесное чучело: «кто ты чучело небес // ангел добрый или бес»? По его ответу и попытке совратить её Лиза понимает, что это «бес», и обращается с

молитвой ко Христу и святому: «это бес твоя обитель // моз и чаща хворостин // пощади меня, Спаситель // преподобный Августин» [2. С. 517]. Затем действие переносится в монастырь, где умер Святой Августин (монахи замечают, что «Рухнут жижа и тверд // о монахи // но не рухнут Бог и Смерть» [2. С. 520]). Смерть Августина мистическим образом соотносится с разрушением купола храма (он разбит «ночными птицами»), а также с грехом Лизы. Лиза рассказывает Гвидону и настоятелю монастыря о том, что позволила смотреть на себя раздетую плывшему по реке рыбаку. Гвидон сначала гневается на Лизу, однако прощает, когда та убеждает его, что останется ему верной. Важной становится ремарка: «Настоятель на клумбе расправляет помятый цветок» [2. С. 523]. Лиза и Гвидон уезжают из монастыря вместе. Пьеса заканчивается соединением мужского и женского, примирением небес и земли, земля освобождается от смерти. Заметим, что преподобный Святой Августин, то есть подобный Христу, умирает за грех Лизы по ее молитве, по ее просьбе защитить ее.

После этого в творчестве Хармса все чаще встречается мотив молитвы, появляется сразу несколько молитвенных лирических текстов. Молитва упоминается в следующих стихотворениях: «Мне бы в голову забраться козлом», «Однажды Бог ударил в плечо», «То скажу тебе брат от колеса не отойти тебе», «Небеса свернуться», «Грянул хор и ходит басс». Этот мотив встречается и в прозе, а именно в рассказе «Утро». Также Хармс пишет стихотворения в жанре молитвы: «Молитва перед сном», «Слава радости пришедшей в мой дом», «Во имя Отца и Сына и Святого духа».

Связь между темой греха и проблемой пола сохраняется на протяжении всего творчества Хармса. Особенно ярко это видим в водевиле Хармса «Грехопадение, или познание добра и зла» (1934). В нем Хармс показывает детское и невинное состояние Адама и Евы до грехопадения, которое разрушается тем, что змей соблазняет Еву, причем у Хармса явно показана связь с полом. Именно половой грех в конечном итоге приводит к изгнанию Адама и Евы из Рая, к разрушению детской невинности человека, на чем и заканчивается водевиль. Это возвращает нас к стихотворениям «В репей закутанная лошадь» и «Конец героя».

Стихотворения «Да что же это в самом деле?..» (1938), «Сладострастный лесоруб» начинаются в духе «эскалации сексуальности», свойственной поэту, однако заканчиваются отрицанием «порока», обращением к людям и Богу, явно с желанием прекратить искушение. То же самое увидим и в тексте «Помеха» (1940).

Порок связывается с темой суда, обращение к которой действительно наблюдается в текстах Хармса. Наиболее явно она проявляется в стихотворении «Гнев Бога поразил наш мир» (1938), где ярко описывается Апокалипсис, содержатся явные реминисценции из Откровения Иоанна Богослова.

В заключение отметим, что тема греха в творчестве Хармса порождает сюжеты и мотивы, связанные с выходом из ситуации греха, с преодолением разрыва между землей и небом (полета, молитвы и суда). Проблема греха направляла духовные и мистические поиски Хармса, поэтому ее дальнейшее исследование значимо для выстраивания целостной картины творчества писателя.

Литература

1. Токарев Д.В. Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 333 с.
2. Хармс Д.И. Собрание сочинений : в 3 т. СПб. : Азбука, 2011. Т. 1. 668 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-83

ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ БЕЗ ИСПОВЕДИ В ПОВЕСТИ В. НАБОКОВА «СОГЛЯДАТАЙ»

Назаренко И.И.

Томский государственный университет, магистрант

CONFSSIONAL WITHOUT CONFESSION IN V. NABOKOV'S NOVEL «THE EYE»

Nazarenko I.I.

Tomsk State University, master student

В статье исследуются нарративная организация и семантика сюжета повести В. Набокова «Соглядатай» в аспекте проблемы исповедальности.

Ключевые слова: В. Набоков, «Соглядатай», исповедальность.

In article is researched the narrative organization and semantics of the plot of the V. Nabokov's novel «The Eye» in the aspect of the problem of confessional.

Key words: V. Nabokov, «The Eye», confessional.

Научный руководитель: Т.Л. Рыбальченко, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

В. Набоков не принимал эстетику исповедальности и документальности «младшего» поколения русской эмиграции, но повесть «Соглядатай» (1930), на наш взгляд, внешне близка эстетике